ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОРЕНБУРГСКАГО СТАРОЖИЛА.

ВЪ 1845 году скончался отецъ мой, титулярный совѣтникъ, Петръ Львовичъ Жакмонъ, бывшій преподавателемъ французскаго языка въ 3-ей С.-Петербургской гимназіи и въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ (переименованной впослѣдствіи въ Николаевское кавалерійское училище). Мать моя осталась въ Петербургѣ почти безъ средствъ къ жизни и стала хлопотать о назначеніи ея на службу въ одинъ изъ институтовъ вѣдомства императрицы Маріи.

Хлопоты моей матери увѣнчались успѣхомъ, и въ 1849 году она была назначена начальницей Оренбургскаго дѣвичьяго училища II-го разряда. Въ это время я былъ ученикомъ IV класса 3-ей С.-Петербургской гимназіи. Осенью я заболѣлъ коклюшемъ, который вскорѣ перешелъ и къ сестрѣ моей. Болѣзнь моя и сестры задержала насъ въ Петербургѣ болѣе чѣмъ на мѣсяцъ, и только въ декабрѣ того же 1849 года мать, забравши насъ съ собою, могла предпринять путешествіе въ далекую восточную окраину—въ Оренбургъ.

Въ тѣ времена не было еще въ Россіи никакихъ желѣзныхъ дорогъ, кромѣ Царскосельской, и потому пришлось ѣхать изъ Петербурга на почтовыхъ. Переѣздъ изъ Петербурга въ Оренбургъ мы совершили въ шестнадцать дней...

Въ это время Оренбургъ уже былъ административнымъ центромъ обширнаго Оренбургскаго края; это былъ небольшой городъ,

окруженный высокимъ земляным валомъ со рвомъ и четырьмя желѣзными воротами, которыя на ночь запирались на замокъ. У каждыхъ воротъ стоялъ военный караулъ, а у главныхъ воротъ—Сакмарскихъ, былъ офицерскій постъ, потому что здѣсь же въ каменномъ зданіи помѣщалось до 300 человѣкъ арестантовъ военно-исправительной роты. Такъ какъ ключи отъ воротъ были у караульнаго начальника, то въ ночное время пріѣзжающіе впускались только съ его разрѣшенія въ городъ. Послѣ пробитія вечерней зари часовые на постахъ перекликались протяжнымъ «слушай», и ихъ въ шутку называли царскими пѣтухами. Число жителей не превышало въ Оренбургѣ, вмѣстѣ съ войсками, 12 тысячъ человѣкъ. Военнымъ губернаторомъ былъ генералъ отъ инфантеріи Владимиръ Аѳанасьевичъ Обручевъ. Это былъ служака въ полномъ смыслѣ слова и вмѣстѣ съ тѣмъ предобрый человѣкъ, который любилъ распекать подчиненныхъ, но никому не дѣлалъ вреда по службѣ. Единственнымъ его недостаткомъ была скупость, доходившая почти до скаредности по отношенію къ казенному интересу. Во время управленія губерніей Обручевъ сберегъ до милліона казенныхъ денегъ и отослалъ ихъ въ Петербургъ. За эту экономію онъ не получилъ никакой награды, а на эти деньги—не припомню, для какого полка—были выстроены въ Петербургѣ новыя казармы, тогда какъ казенныя учрежденія, существовавшія въ то время въ Оренбургѣ, имѣли очень плохія помѣщенія и были очень стѣснены въ денежныхъ средствахъ. Но излюбленными дѣтищами В. А. Обручева были возникшіе по его иниціативѣ институтъ и Неплюевскій кадетскій корпусъ. Разсказывали, что однажды В. А. Обручевъ жестоко распекъ инженернаго офицера за то, что въ оборонительной казармѣ линейнаго батальона дымила печь. Когда Обручевъ накричался вдосталь, то полковникъ, завѣдывавшій инженерною частью, доложилъ ему, что печь эту строилъ другой офицеръ, находившійся въ командировкѣ въ степи. Тогда Обручевъ, обратившись къ офицеру, сказалъ ему въ утѣшеніе: «Ну, все равно, мой любезнѣйшій, это пригодится въ другой разъ». Онъ полагалъ, что всѣ инженеры большіе любители казенной копейки, хотя и самъ служилъ въ молодости въ инженерахъ. По пріѣздѣ въ Оренбургъ, мать моя прямо съ дороги вступила въ отправленіе своихъ обязанностей. Но, Боже мой, что представлялъ собою институтъ!

Ученицы, числомъ до 40, были почти всѣ грубыя, невоспитанныя казачки, говорившія на о и употреблявшія часто въ разговорѣ неприличныя слова. Притомъ всѣ онѣ были немытыя, грязныя, и у многихъ изъ нихъ на бѣльѣ и въ волосахъ водилось множество насѣкомыхъ. У нѣкоторыхъ тѣло было покрыто чесоткою и даже злокачественными нарывами. А потому прежде всего потребовался чисто физическій трудъ привести воспитанницъ въ благо-

образный видъ. Нужно было намазывать имъ головы мазью, истребляющей насѣкомыхъ, заставлять горничныхъ расчесывать имъ спутавшіеся волосы, пріучить ихъ къ употребленію мыла и зубныхъ щетокъ, о которыхъ онѣ не имѣли ни малѣйшаго понятія въ своихъ станицахъ и форпостахъ. Труднѣе было отучить ихъ отъ употребленія непристойныхъ словъ и выраженій. Религіозно нравственное ихъ воспитаніе потребовало особаго вниманія. Многія изъ нихъ не только не знали ни одной молитвы, но не умѣли даже сложить пальцевъ для крестнаго знаменія. Другія же, воспитанныя сектантками, въ особенности принадлежавшія къ раскольничьей сектѣ безпоповщины, читали молитвы навыворотъ, искажая не только слова, но и самый смыслъ молитвъ.

Хозяйство института было организовано на началахъ мелочной экономіи сбереженія дровъ и мыла тѣмъ же В. А. Обручевымъ. Когда мать моя только что вступила въ отправленіе своей обязанности начальницы, въ институтѣ были заведены слѣдующіе порядки: обѣдъ и ужинъ готовился для дѣвицъ на кухнѣ Оренбургскаго Неплюевскаго кадетскаго корпуса, потомъ подогрѣвался на плитѣ институтской кухни; бѣлье институтокъ стиралось въ прачечной кадетскаго корпуса и потомъ мокрое привозилось въ прачечную института, гдѣ синилось, гладилось и крахмалилось.

Домовая церковь института была очень бѣдна. Иконъ было мало, облаченіе только одно, которое священникъ надѣвалъ по воскреснымъ днямъ и въ двунадесятые праздники. Церковь была такъ устроена, что та часть ея, гдѣ находился алтарь, закрывалась складными дверями, и когда затворялись двери, церковь обращалась въ рукодѣльный и рисовальный классъ. Платья, передники, пелерины и бѣлье для институтокъ были сшиты изъ самаго грубаго и плохого матеріала, пріобрѣтеннаго у мѣстныхъ торговцевъ по дешевымъ цѣнамъ. Все письмоводство и вся отчетность какъ по учебному дѣлу, такъ равно и по хозяйству, велись въ канцеляріи кадетскаго корпуса. Такъ же неудовлетворительна была постановка учебнаго дѣла. Въ видахъ экономіи только одинъ или два преподавателя изъ числа учителей кадетскаго корпуса были приглашены для преподаванія въ институтѣ, остальные, въ особенности учителя рисованія, чистописанія и пѣнія, были лица, не имѣвшія класснаго чина и занимавшія учительскія мѣста въ школѣ оренбургскихъ военныхъ кантонистовъ, народъ запойный и малограмотный, пропускавшій въ учебномъ году много уроковъ. В. А. Обручевъ любилъ нанимать учителей, числомъ поболѣе, цѣною подешевле.

Матери моей предстояла тяжелая задача измѣнить весь строй учебной и экономической жизни института; понятно, она не могла вдругъ совершить этихъ реформъ. Немало трудовъ потребовало устройство и украшеніе домовой церкви института. Для благолѣпія

храма нужно было создать изъ дѣвицъ стройный церковный хоръ, и мать моя обратилась въ императорскую капеллу съ просьбою выслать ей опытнаго регента, которому исходатайствовала чрезъ принца Ольденбургскаго приличное жалованье.

Съ В. А. Обручевымъ бывали подчасъ и курьезы. Такъ однажды, пріѣхавъ въ институтъ на первый урокъ, онъ тихонько подкрался къ класснымъ дверямъ и, приложивъ ухо къ скважинѣ, сталъ слушать объясненіе учителя исторіи. Классовскій, преподававшій исторію, читалъ лекцію о Семирамидѣ и описывалъ въ слишкомъ яркихъ краскахъ сады Семирамиды и волшебныя празднества этой царицы. В. А. Обручевъ слушалъ, слушалъ и наконецъ не вытерпѣлъ и, влетѣвъ бомбой въ классъ, почти вскрикнулъ:

— Хорошо же вы преподаете!

Послѣ этого онъ увелъ учителя въ рекреаціонный залъ, разнесъ его въ пухъ и прахъ и, давъ ему надлежащую инструкцію, какъ и что онъ долженъ говорить о Семирамидѣ, приказалъ ему прочесть на другой день лекцію о томъ же предметѣ въ томъ же классѣ въ его присутствіи. Когда все было исполнено по его желанію, онъ подалъ при всѣхъ руку Классовскому и поблагодарилъ его за преподаваніе.

Въ тѣ времена Оренбургъ былъ ссыльнымъ городомъ, и въ немъ насчитывалось нѣсколько сотенъ ссыльныхъ поляковъ знатнѣйшихъ польскихъ фамилій. Потоцкіе, Чарторижскіе, Станкевичи, Ромишевскіе, Ростковскіе, Обинскіе, Сираковскіе и другіе — всѣ они были разжалованы въ царствованіе императора Николая Павловича и сосланы рядовыми въ оренбургскіе линейные баталіоны и несли строевую службу наравнѣ съ прочими нижними чинами, только ночевали не въ казармахъ, а на своихъ квартирахъ, что, впрочемъ, дозволялось имъ частнымъ образомъ съ разрѣшенія баталіонныхъ и ротныхъ командировъ или тайнымъ образомъ за плату съ позволенія фельдфебелей, наживавшихъ отъ нихъ большія деньги.

За ссыльными поляками былъ учрежденъ секретный надзоръ. Однажды донесли В. А. Обручеву, что въ мѣстномъ костелѣ по вечерамъ виденъ огонь, и что тамъ собираются на тайныя сходки ссыльные поляки. Получивъ это донесеніе, В. А. Обручевъ въ сопровожденіи плацъ-майора Халецкаго и полицеймейстера, раненаго воина, полковника Демостико, нагрянулъ внезапно вечеромъ къ костелу и, замѣтивъ въ немъ свѣтъ, тотчасъ потребовалъ ксендза Зеленка и приказалъ ему отворить костелъ. Когда вошли во внутренность его, то въ немъ никого не оказалось, и В. А. Обручеву пришлось извиняться передъ ксендзомъ Зеленкомъ за свою излишнюю поспѣшность: не трудно было убѣдиться въ томъ, что свѣтъ въ церкви происходилъ отъ лучей заходящаго солнца, ударявшаго прямо въ разноцвѣтныя стекла оконъ алтаря.

Но недолго В. А. Обручевъ управлялъ Оренбургскимъ краемъ. Генералъ-адъютантъ В. А. Перовскій тяжело заболѣлъ въ Петербургѣ, и когда императоръ Николай Павловичъ, навѣстивъ больного, спросилъ его, что онъ можетъ для него сдѣлать, то Василій Алексѣевичъ отвѣчалъ, что онъ желалъ бы, чтобы его хоронили оренбургскіе казаки.

В. А. Перовскій выздоровѣлъ. Вскорѣ послѣ того, въ 1852 году, В. А. Обручевъ былъ переведенъ въ генералъ-аудиторіатъ, а генералъ-адъютантъ В. А. Перовскій былъ назначенъ оренбургскимъ и самарскимъ генералъ-губернаторомъ. При немъ сформированъ огромный штатъ чиновниковъ особыхъ порученій, адъютантовъ и состоящихъ въ его распоряженіи гвардейскихъ офицеровъ. Съ этого момента въ Оренбургѣ образуется множество новыхъ военныхъ и гражданскихъ учрежденій и условія жизни существенно измѣняются. Оренбургъ получилъ тогда наименованіе маленькаго уголка Петербурга.

Во второй свой пріѣздъ въ Оренбургъ В. А. Перовскій и больной не измѣнилъ своей любви къ роскоши и свѣтской жизни и все еще оставался большимъ русскимъ бариномъ. Его шутя сравнивали съ французскимъ королемъ Людовикомъ XIV, и у него на закатѣ дней была своя Madame de Maintenon въ лицѣ супруги одного изъ приближенныхъ.

Имѣя въ своемъ распоряженіи безконтрольную сумму башкирскаго капитала, состоявшаго изъ нѣсколькихъ милліоновъ рублей, и полъ-милліона рублей, отпускаемыхъ ежегодно на угощеніе киргизовъ и на пріемъ хивинскихъ и бухарскихъ посланниковъ, В. А. Перовскій самъ для себя не пользовался ни одною копейкою этихъ денегъ, но употреблялъ ихъ на устройство баловъ, пиршествъ и празднествъ для поддержанія престижа своей власти. Такъ, напримѣръ, за мѣсяцъ или за два передъ этими балами всѣмъ молодымъ дамамъ свиты В. А. Перовскаго высылались богатыя дорогія матеріи и цѣлыя готовыя платья, привозимыя изъ Парижа спеціально для этой цѣли командированнымъ туда фельдъегеремъ. На обѣдахъ и ужинахъ подавались раритеты въ родѣ малины и клубники въ зимніе мѣсяцы, а на каждомъ дамскомъ приборѣ лежалъ прелестный букетъ рѣдкихъ цвѣтовъ, выписываемыхъ изъ Петербурга. Ежедневно для мужского персонала свиты В. А. Перовскаго поваръ-французъ готовилъ обѣдъ изъ 4 блюдъ на 30 персонъ съ винами и шампанскимъ лучшей марки, и всѣ чиновники особыхъ порученій, адъютанты и состоявшіе въ распоряженіи В. А. Перовскаго гвардейскіе офицеры пользовались круглый годъ этими обѣдами безплатно. Самъ В. А. Перовскій изрѣдка появлялся въ этой столовой на нѣсколько минутъ, чтобы спросить своихъ гостей, довольны ли они его поваромъ и винами, которыя имъ подаются на столъ. Пошутивъ милостиво съ кѣмъ нибудь изъ своихъ знатныхъ

тостей (въ числѣ которыхъ былъ ротмистръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, князь Ибрагимъ Чингизъ, сынъ послѣдняго киргизскаго хана Джангера), онъ спѣшилъ удалиться въ свои покои.

Сравнивая В. А. Перовскаго съ королемъ Людовикомъ XIV, я долженъ сказать, что въ его свитѣ состоявшей изъ блестящихъ и титулованныхъ гвардейскихъ офицеровъ, были весьма полезные администраторы, а также и талантливые литераторы, художники и живописцы. Къ числу выдающихся администраторовъ принадлежали: правитель генералъ-губернаторской канцеляріи Кудрявцевъ, дежурный штабъ-офицеръ полковникъ Христоферъ Христоферовичъ Рейтернъ. Ихъ двоихъ называли временщиками, такъ какъ В. А. Перовскій по болѣзни своей не могъ заниматься дѣлами, и вся военная администрація края была въ рукахъ полковника Рейтерна, а гражданскими дѣлами управлялъ безконтрольно правитель канцеляріи Кудрявцевъ. Эти всесильные люди держали въ строгомъ повиновеніи все населеніе обширнаго Оренбургскаго края, занимавшаго въ тѣ времена пространство, равное территоріи всей Франціи. Бывшаго при В. А. Обручевѣ начальника штаба Фонтонъ де Верраіона смѣнилъ при В. А. Перовскомъ генералъ-майоръ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, добродушнѣйшій человѣкъ, который изнемогалъ подъ тяжестью своего тучнаго тѣла; онъ любилъ цѣлый день лежать на локоткахъ на письменномъ столѣ своего кабинета и почитывать журналы и газеты, заимствуя изъ нихъ темы для разсказовъ своимъ знакомымъ. Про И. И. Бутурлина разсказывали, что онъ однажды отправился дѣлать визиты въ новый годъ и, когда уже сѣлъ въ крытыя сани, вспомнилъ вдругъ, что забылъ взять съ собою визитныя карточки. Денщикъ сунулъ въ карманъ карточки, и генералъ поѣхалъ съ визитами. Случилось такъ, что они никого не заставали дома, и денщикъ сыпалъ щедро карточки направо и налѣво. Когда они наконецъ подъѣхали къ послѣднему дому, которымъ оканчивались ихъ визиты, денщикъ спросилъ Ивана Ивановича, которую карточку онъ прикажетъ отдать—съ однимъ или съ двумя загнутыми уголками. Тогда И. И. Бутурлинъ полюбопытствовалъ взглянуть, какія карточки раздавалъ его денщикъ, и взялъ ихъ у него изъ рукъ. И, о ужасъ! оказалось, что денщикъ собралъ всѣ визитныя карточки тѣхъ лицъ, которыя были на праздникахъ у Ивана Ивановича, и раздавалъ ихъ по вдохновенію, какая ему скорѣе попадала подъ руки. И. И. Бутурлинъ не поѣхалъ въ другой разъ съ визитами, а извинившись передъ знакомыми въ томъ quiproquo, которое надѣлалъ его денщикъ, долго хохоталъ отъ души и разсказалъ объ этой продѣлкѣ своимъ знакомымъ, которые тоже въ свою очередь много смѣялись. Впрочемъ, случай этотъ имѣлъ и свою хорошую сторону: многія лица, питавшія съ давнихъ поръ другъ къ другу вражду, поѣхали отдавать неожиданно сдѣланные имъ визиты и примирились.

При В. А. Перовскомъ находился художникъ и карикатуристъ Грановскій, членъ географическаго общества Небольсинъ, составившій подробное историко-географическое изслѣдованіе Оренбургскаго края, полковникъ генеральнаго штаба И. Ф. Бларамбергъ, составившій для военно-топографическаго отдѣла самую подробную карту Оренбургскаго края и принадлежащей къ ней части Киргизской степи. Но душою общества былъ родной племянникъ В. А. Перовскаго — Александръ Михайловичъ Жемчужниковъ. Ни одно празднество и ни одна холостая пирушка не обходились безъ него и безъ сосланнаго въ Оренбургъ князя Трубецкого, дочь котораго, знаменитая красавица, вышла впослѣдствіи замужъ за посланника, графа Морни. А. М. Жемчужниковъ отличался остроуміемъ, рѣдкою находчивостью и неистощимою веселостью. Игрою личныхъ мускуловъ онъ измѣнялъ совершенно черты своего лица и изображалъ съ поразительнымъ сходствомъ всѣхъ своихъ университетскихъ профессоровъ. Мало того, разговаривая съ вами, онъ моментально усвоивалъ вашъ обликъ, манеру, движенія, звукъ голоса, такъ что вы могли вдругъ видѣть передъ собою своего двойника. При этомъ онъ былъ еще поэтъ-юмористъ, и въ обществѣ его нельзя было соскучиться. Онъ числился на государственной службѣ въ пограничной комиссіи по управленію Оренбургскими киргизами, но не особенно ревностно занимался письмоводствомъ. Однажды дядя его, В. А. Неровскій, призвалъ его къ себѣ и сдѣлалъ ему строгій выговоръ за небрежное отношеніе къ службѣ. А. М. Жемчужниковъ выслушалъ терпѣливо дядюшкинъ репримандъ, но когда В. А. Перовскій заговорилъ съ нимъ уже въ болѣе примиренномъ тонѣ, то онъ въ видѣ извиненія сказалъ:

— Сжальтесь же надо мною, mon oncle! Какъ же я буду заниматься, когда у насъ въ пограничной комиссіи нѣтъ перьевъ?

— Какъ нѣтъ перьевъ?—удивился В. А. Перовскій.

— Такъ точно: госпожа Гроховская надѣла ихъ всѣ себѣ на голову.

А какъ разъ наканунѣ былъ балъ у В. А. Перовскаго, и почтенная старушка, вдова полковника, Гроховская, имѣла на головѣ презатѣйливый уборъ, состоявшій весь изъ разноцвѣтныхъ перьевъ, бывшихъ въ то время въ модѣ. Услыхавъ такое оправданіе своего повѣсы племянника, В. А. Перовскій расхохотался, и долго раздавался его смѣхъ, а виновникъ этой веселости, А. М. Жемчужниковъ, продолжалъ стоять передъ дядюшкой съ самымъ серіознымъ лицомъ, какъ будто изрекъ неопровержимую истину.

Въ другой разъ съ А. М. Жемчужниковымъ былъ слѣдующій случай. Онъ жилъ на главной улицѣ г. Оренбурга, называемой Большою, въ третьемъ этажѣ, а подъ нимъ въ бельэтажѣ жилъ богатый землевладѣлецъ, камеръ-юнкеръ Александръ Петровичъ Загряжскій. Александръ Петровичъ слылъ большимъ чудакомъ. Ари-

стократъ jusq'au bout des ongles, родовитый дворянинъ, имѣвшій большія связи въ Петербургѣ, онъ былъ владѣльцемъ Каноникольской дачи, заключавшей въ себѣ мѣдиплавильный заводъ и 120.000 десятинъ подъ мачтовымъ и строевымъ лѣсомъ. Имѣя сильную поддержку въ Петербургѣ, онъ чудилъ у себя въ заводѣ, и всѣ его барскія затѣи сходили ему съ рукъ. Однажды, проживая у себя въ имѣніи, онъ отправился ко всенощной; ему показалось, что молодой заводскій священникъ не такъ держитъ кадило. Недолго думая, онъ вошелъ въ алтарь, взялъ кадило изъ рукъ священника и самъ сталъ кадить передъ иконами, приговаривая: «вотъ, батюшка, какъ надо кадить, вотъ какъ. Я вижу, что вы еще очень неопытны, и мнѣ приходится васъ учить».

Итакъ въ одномъ домѣ съ этимъ оригиналомъ, А. П. Загряжскимъ, жилъ А. М. Жемчужниковъ... Какъ-то на Рождество ему пришла фантазія устроить у себя елку, на которую собралась у него вся jeunesse dorée свиты В. А. Перовскаго, а также сосланные въ то время и разжалованные въ рядовые оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ поэтъ Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ и князь Трубецкой, похитившій знаменитую красавицу того времени Ж—скую. Посреди залы на большомъ столѣ была водружена елка со множествомъ горѣвшихъ на ней восковыхъ свѣчей, а вмѣсто конфетъ и лакомствъ были привѣшены къ вѣткамъ полубутылки лучшаго шампанскаго по числу приглашенныхъ, а у подножія елки на большомъ столѣ была сервирована роскошная закуска изъ свѣжей икры, уральскаго балыка и всѣхъ возможныхъ гастрономическихъ раритетовъ, съ цѣлой батареей водокъ, коньяковъ и всякихъ винъ. Молодежь пила, ѣла, веселилась, пѣла и плясала вокругъ елки и подняла, конечно, страшный шумъ, который обезпокоилъ жильца бельэтажа, А. П. Загряжскаго. Недолго думая, этотъ большой баринъ прислалъ своего камердинера сказать А. М. Жемчужникову, что у него голова разболѣлась отъ шума, и что онъ приказываетъ тотчасъ же всѣмъ разойтись по домамъ. Тогда, извинившись передъ гостями, А. М. Жемчужниковъ попросилъ всѣхъ удалиться, обѣщая, что назавтра всѣ опять соберутся и повеселятся еще болѣе, чѣмъ сегодня.

Едва гости вышли на улицу, А. М. Жемчужниковъ спустился на площадку парадной лѣстницы, установилъ на ней мишень для стрѣльбы и, зарядивъ пару пистолетовъ, принялся стрѣлять изъ нихъ въ цѣль. Бацъ! бацъ!—гремѣлъ выстрѣлъ за выстрѣломъ, и эта непрерывная канонада способна была разогнать даже самый сильный сонъ человѣка съ самыми крѣпкими нервами. Услыхавъ эту пальбу, А. П. Загряжскій перепугался не на шутку и, вскочивъ съ постели, накинувъ на себя бархатный шлафрокъ, выскочилъ на лѣстницу.

— Cher ami, cessez de grace,—вопилъ онъ жалобнымъ голосомъ.—J'ai diablement peur de cette canonnade,—умолялъ онъ, обнимая дружески А. М. Жемчужникова.

— Je regrette infiniment de ne pouvoir me rendre à vos voeux,—извинялся въ свою очередь А. М. Жемчужниковъ,—но по вашей просьбѣ я принужденъ былъ de mettre à la porte tous mes amis, и всѣ они вызвали меня на дуэль. Завтра я долженъ по очереди стрѣляться съ тридцатью моими лучшими пріятелями, и такъ какъ я не хочу быть убитымъ, то я рѣшился до самаго утра упражняться въ стрѣльбѣ и клянусь вамъ, что я дорого продамъ свою жизнь.

— Mais écoutez donc, cher ami. Ну, хотите, я завтра утромъ надѣваю фракъ и ѣду извиняться передъ вашими друзьями?

— Это не поможетъ. Ils ont soif de mon sang,—и послѣ этихъ словъ А. М. Жемчужниковъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ въ мишень и попалъ прямо въ центръ.

А. П. Загряжскій въ отчаяніи зажалъ уши.

— Vous me ferez mourir!—вскричалъ онъ.—Ну, вотъ что: мы завтра утромъ ѣдемъ съ вами къ вашимъ друзьямъ, а вечеромъ я васъ приглашаю вмѣстѣ съ ними ко мнѣ поужинать, et j'ai dans ma cave un vieux vin français, отъ котораго ваши гости языкъ проглотятъ.

— Ну, такъ и быть, только для васъ, Александръ Петровичъ,—согласился А. М. Жемчужниковъ, и на слѣдующій вечеръ состоялась у А. П. Загряжскаго феноменальная и грандіозная выпивка.

Разставаясь со своими излюбленными дѣтищами: Оренбургскимъ Неплюевскимъ кадетскимъ корпусомъ и Оренбургскимъ дѣвичьимъ институтомъ, В. А. Обручевъ плакалъ искренними слезами, и учащіяся дѣти провожали его тоже съ плачемъ, такъ какъ онъ въ своемъ губернаторскомъ домѣ устраивалъ для нихъ ежемѣсячно балы и празднества и каждое воскресенье присылалъ конфеты институткамъ и кадетамъ.

В. А. Перовскій наоборотъ не любилъ корпуса и института, потому что эти два учебныя заведенія были созданіемъ В. А. Обручева. Помню, какъ-то одинъ разъ В. А. Перовскій прислалъ по 25 рублей въ корпусъ и институтъ на устройство елки для учащихся, но къ себѣ никогда не приглашалъ дѣтей и вообще относился очень индифферентно къ оренбургскимъ учебнымъ заведеніямъ.

Со дня вступленія моей матери въ должность начальницы прошло незамѣтно шесть лѣтъ, и въ маѣ мѣсяцѣ 1854 года былъ сдѣланъ первый выпускъ дѣвицъ изъ института. На актѣ, устроенномъ по окончаніи экзаменовъ, В. А. Перовскій отказался присутствовать, ссылаясь на свое болѣзненное состояніе. Онъ страдалъ сильными припадками удушья. Но всѣ начальники отдѣльныхъ

частей, наказный атаманъ Оренбургскаго казачьяго войска, графъ Илья Андреевичъ Толстой, командующій башкирскимъ войскомъ генералъ-лейтенантъ Николай Васильевичъ Балкашинъ, директоръ Оренбургскаго Неплюевскаго кадетскаго корпуса генералъ-майоръ Шиловъ, а также дворянство, должностное купечество, родители и родственники выпускныхъ дѣвицъ присутствовали на актѣ. Всѣ выпускныя дѣвицы были одѣты въ легкія бѣлыя платья, и наружность ихъ настолько измѣнилась къ лучшему, что въ нихъ нельзя было узнать прежнихъ грубыхъ оренбургскихъ и уральскихъ казачекъ. Манеры, походка, все измѣнилось къ лучшему. Всѣ онѣ умѣли поддержать салонный разговоръ на французскомъ языкѣ и могли читать à livre ouvert французскія и нѣмецкія книги. Цѣлый рядъ рукодѣльныхъ работъ и прекрасно исполненныхъ карандашемъ и красками рисунковъ свидѣтельствовалъ о томъ, что природные ихъ таланты развивались подъ благотворнымъ вліяніемъ умѣлыхъ наставницъ и наставниковъ. Въ концертномъ отдѣленіи акта были исполнены на двухъ роялях въ восемь рукъ цѣлые отрывки ихъ оперъ: Глинки, Мейербера, Россини и Гуно. Хоры и солистки отличались прекрасными свѣжими голосами и знаніемъ музыки. А нѣсколько дѣвицъ отличились талантомъ декламаціи и прочитали передъ собравшимися гостями отрывки изъ произведеній Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Грибоѣдова. Родители и родственники благодарили со слезами на глазахъ начальницу и весь учительскій персоналъ за очевидные успѣхи своихъ дочерей.

Блестящіе результаты перваго выпуска Оренбургскаго дѣвичьяго училища произвели весьма отрадное впечатлѣніе на оренбургское общество, и съ наступленіемъ учебнаго 1854—1855 года уже вмѣсто 40 воспитанницъ насчитывалось съ вновь поступившими болѣе 80. Хотя это учебное заведеніе при стараніяхъ моей матери, начальницы института, подверглось многимъ существеннымъ измѣненіямъ, но все-таки оставалось желать многаго и очень многаго, чтобы поставить его на твердую ногу. Теперь обѣды и ужины готовились не на кухнѣ Неплюевскаго кадетскаго корпуса, а на своей институтской кухнѣ. Точно также и бѣлье мылось въ своей прачешной. Для поставки мяса былъ тоже свой контрагентъ, и ежедневно всѣ съѣстные припасы осматривались начальницею при совмѣстномъ наблюденіи институтскаго врача. Хозяйствомъ института завѣдывала не супруга экономa кадетскаго корпуса, какъ это было при В. А. Обручевѣ, а была своя экономка, жившая въ институтѣ. Также точно была опредѣлена особая лазаретная дама для наблюденія за лазаретомъ. Но на все это требовались деньги, которыхъ въ наличности не было, такъ какъ штаты этого учебнаго заведенія оставались прежніе, утвержденные еще при В. А. Обручевѣ, когда въ дѣвичьемъ училищѣ насчитывалось не болѣе 40 дѣвицъ. Самое помѣщеніе института требовало расширенія, и вотъ стали приторго-

вывать сосѣднее мѣсто, чтобы на немъ воздвигнуть такое же другое двухъэтажное зданіе, которое можно было бы соединить подъ одно съ прежнимъ, выстроеннымъ В. А. Обручевымъ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ моею матерью овладѣло сильное и неудержимое желаніе упрочить въ обширномъ Оренбургскомъ краѣ существованіе института—этого единственнаго разсадника женскаго образованія, такъ какъ въ тѣ времена не было не только женской гимназіи и прогимназіи въ Оренбургѣ, но не существовало даже и участковыхъ школъ, и только дѣвочки-сиротки обучались грамотѣ старушками въ пріютѣ св. Ольги. Но какъ добиться желаемыхъ реформъ? Писать въ Петербургъ, представлять проэкты и планы? Все это прекрасно, но для этого нужно ждать годы и годы.

А потому моя мать рѣшилась просить отпуска въ С.-Петербургъ и здѣсь лично ходатайствовать у императрицы Александры Ѳеодоровны о всѣхъ нуждахъ института. Въ отвѣтъ на просьбу мать моя получила разрѣшеніе воспользоваться отпускомъ съ 1-го іюля 1855 года. Она тотчасъ же собралась и пустилась въ путь. Въ то время судоходство по Волгѣ не процвѣтало, и пароходы тащили за собой по большей части баржи, перевозившія значительные грузы, но пассажирское движеніе совершалось неправильно, и приходилось сидѣть на пристаняхъ по двое сутокъ, ожидая пассажирскаго парохода. Поэтому моя мать рѣшилась ѣхать до Москвы на почтовыхъ, а изъ Москвы въ С.-Петербургъ по Николаевской желѣзной дорогѣ.

Главнымъ начальникомъ женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства императрицы Маріи былъ его высочество принцъ Ольденбургскій. Къ нему-то по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ и поспѣшила заявиться моя мать, намѣтившая себѣ программу неотложныхъ реформъ въ Оренбургскомъ дѣвичьемъ училищѣ. Принцъ принялъ мою мать очень любезно и обѣщалъ многое, но изъ словъ его высочества мать моя поняла, что желаемыя реформы могутъ затянуться или будутъ отложены въ долгій ящикъ, и потому рѣшилась обратиться съ докладомъ лично къ вдовствующей императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

Въ числѣ знакомыхъ моей матери находились въ то время въ Петербургѣ: графиня Булгари, дочь которой, Софія Яковлевна Веригина, была за мужемъ за генералъ-квартирмейстеромъ Александромъ Ивановичемъ Веригинымъ (впослѣдствіи генералъ-адъютантомъ и членомъ государственнаго совѣта), генеральша Пистолькорсъ и madame d'André, супруга дѣйствительнаго статскаго совѣтника d'André и близкая родственница семейства графовъ Разумовскихъ, и князь Николай Голицынъ, генералъ-майоръ генеральнаго штаба.

Но никто изъ этихъ лицъ не могъ доставить моей матери случая представиться императрицѣ, которая въ это время по слабости здоровья избѣгала всѣхъ аудіенцій и представленій, такъ какъ ея величеству былъ предписанъ врачами абсолютный покой. По сча-

стію, мать моя была дружна съ madame Эллисъ, статсъ-дамой государыни, пользовавшейся особымъ довѣріемъ императрицы. Мать моя вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ отправилась въ Царское Село, гдѣ проживала г-жа Эллисъ при государынѣ, и эта добрая и сердечная особа устроила все дѣло матери такъ успѣшно, что императрица Александра Ѳеодоровна согласилась принять мою мать тотчасъ же по возвращеніи своемъ въ Петербургъ въ первыхъ числахъ сентября.

Съ чувствомъ неизъяснимый радости и тревоги ожидала моя мать счастливаго дня, въ который ей предстояло свидѣться съ императрицей. Въ тотъ годъ сентябрь стоялъ великолѣпный въ Петербургѣ, и хотя уже наступили свѣжіе дни, но они были солнечные и ясные. Наконецъ пришелъ этотъ ожидаемый и желанный день. Г-жа Эллисъ была такъ добра и такъ любезна, что заѣхала за моей матерью, и онѣ вмѣстѣ сѣли въ карету и отправились въ Зимній дворецъ, куда уже переѣхала на осень передъ отъѣздомъ за границу вдовствующая императрица Александра Ѳеодоровна. Оставивъ мать въ одной изъ пріемныхъ комнатъ, г-жа Эллисъ поспѣшила на собственную половину ея величества, и, спустя нѣсколько минутъ, вернулась со словами:

— Venez donc, chère m-me Jacquemond: l'Impératrice, vous invite.

— Я не знаю,—разсказывала мнѣ послѣ мать,—какъ выразить то неизъяснимое радостное чувство, которое я испытала, услыхавъ слова милой и доброй Эллисъ. Я пошла ускоренной походкой, и мнѣ казалось въ эти минуты, что ангелы несутъ меня на крыльяхъ. Прошло уже шесть лѣтъ съ того времени, какъ я передъ отъѣздомъ въ Оренбургъ имѣла счастіе представляться государынѣ императрицѣ, и съ той поры многое измѣнилось.

Когда моя мать вошла въ комнату императрицы, государыня полулежала на кушеткѣ. Ея величество, будучи въ траурѣ, была въ черномъ шелковомъ платьѣ, отдѣланномъ французскими кружевами съ большимъ вкусомъ и необыкновенно изящно, при чемъ кружевной воротничекъ былъ прикрѣпленъ къ платью брилліантовою брошью тончайшей французской работы. На столикѣ возлѣ императрицы лежала вверхъ крышками недочитанная французская книга, а рядомъ стоялъ стаканъ съ водой съ запахомъ fleurs d'oranges. Государыня была очень нервна и любила имѣть всегда при себѣ успокоительное питье. Увидя мою мать, государыня слегка приподнялась на кушеткѣ и, протянувъ впередъ правую руку, слѣдующимъ образомъ привѣтствовала мою мать:

— Bonjour, madame Jacquemond, je suis bien aise de vous voir en bonne santé.

Мать схватила руку императрицы и крѣпко прижала ее къ губамъ, а государыня поцѣловала мать въ лобъ и изволила повторить свое привѣтствіе:

— Bonjour, chère madame Jacquemond,—сопровождая эти слова обворожительною улыбкою.

— Attendez! Vous avez été chez moi il y a quelques années de cela avant votre départ pour Orenbourg, n'est ce pas? (Я припоминаю. Вы были у меня нѣсколько лѣтъ тому назадъ передъ вашимъ отъѣздомъ въ Оренбургъ. Не правда ли?

— Oui, Votre Majesté. (Да, ваше величество).

— Mais comme vous êtes changée depuis! Vous avez des cheveux blancs. (Но какъ вы измѣнились! У васъ есть уже сѣдые волосы).

— Votre Majesté quand on a passé six ans à Orenbourg, il est bien permis d'avoir les cheveux blancs. (Ваше величество, проживши шесть лѣтъ въ Оренбургѣ, легко и посѣдѣть).

— Oui, oui! chacun a sa part de chagrin dans ce bas monde, et pour moi aussi j'ai eu mes tristes jours. Depuis la mort de mon cher Nicolas je suis toujours souffrante et il y a encore cette guerre qui fait notre désespoir. (Да, у каждаго есть своя доля печали въ этой жизни, и вотъ у меня тоже свое горе. Со дня смерти моего дорогого Николая я постоянно больна, да еще эта несчастная война приводитъ насъ въ отчаянье).

— Votre Majesté, le souvenir de notre adoré monarche est gravé dans nos mémoires et permettez moi à cette occasion d'obtenir la plus grande grace que je puisse ambitionner pour mon établissement, c'est que notre institut soit surnomme Nicolaevsky en mémoire de votre auguste époux feu l'Empereur Nicolas. (Ваше величество! память о нашемъ возлюбленномъ монархѣ глубоко запечатлѣна въ нашей памяти, и позвольте мнѣ кстати просить о величайшей милости, какая только можетъ быть оказана нашему учебному заведенію: милость эта состоитъ въ томъ, чтобы нашъ институтъ въ память въ Бозѣ почившаго супруга вашего императора Николая I-го назывался Николаевскимъ).

— Madame Jacquemond, vos paroles me font grand plaisir, et je vous prie de croire que c'est accordé d'avance. Vous avez peut être encore quelque chose à me demander. Mettez donc le tout sur mon agenda. (Г-жа Жакмонъ, ваши слова доставляютъ мнѣ большое удовольствіе, и прошу васъ вѣрить, что желаніе ваше будетъ исполнено. Быть можетъ, у васъ есть ко мнѣ еще какая нибудь просьба. Запишите все въ мою памятную книжку).

Съ этими словами императрица подала моей матери книжечку въ синемъ бархатномъ переплетѣ съ золотымъ аграфомъ, въ которую мать моя вписала въ нѣсколькихъ словахъ то, о чемъ уже предварительно переговорила съ принцемъ Ольденбургскимъ. Императрица милостиво приняла изъ рукъ матери свою записную книжку.

— C'est bien, je ferai mon possible pour que vous soyez contente,— сказала государыня. (Хорошо, я все сдѣлаю, что только можно, и надѣюсь, что вы будете довольны).

— Mais plus je vous regarde, plus je vous trouve changée. Vous n'êtes pas vieille et cependant vous avez déjà les cheveux blancs. (Но чѣмъ больше я на васъ смотрю, тѣмъ болѣе нахожу, что вы измѣнились. Вамъ еще немного лѣтъ, а у васъ есть уже сѣдые волосы).

— C'est que j'ai eu des moments bien difficiles à passer, Votre Majesté. (Мнѣ пришлось пережить очень тяжелыя минуты, ваше величество).

— Courage, courage! et vous trouverez toujours en moi appui et soutient et ma plus vive sympathie. (Мужайтесь, мужайтесь, и вы найдете во мнѣ всегда поддержку и самое живое сочувствіе).

— Oh, Votre Majesté, je n'oublierai pas vos bontés pour moi jusqu'à mon dernier soupir. (О! ваше величество, я до моего послѣдняго вздоха не забуду вашихъ милостей).

— Vous passerez n'est ce pas quelque temps à Pétersbourg, et j'espère que je vous reverrai. (Не правда ли, вы проведете еще нѣкоторое время въ Петербургѣ, и я надѣюсь еще съ вами видѣться).

— La saison est avancée, et je compte partir bientôt, Votre Majesté, tant que les routes sont praticablesdans notre contrée. (Такъ какъ наступаетъ конецъ осени, то я разсчитываю скоро уѣхать, ваше величество, пока дороги еще не испортились).

— Vraiment! Ainsi adieu, et que Dieu vous bénisse. (Въ самомъ дѣлѣ! Ну, такъ простимся, и да благословитъ васъ Богъ).

— Bénissez moi, Votre Majesté. (Благословите меня, ваше величество).

— Je vous bénis et je vous embrasse de tout mon coeur. (Я васъ благословляю и обнимаю отъ всего сердца),—сказала императрица, и въ то время какъ мать поцѣловала руку у ея величества, государыня поцѣловала мою мать въ щеку.

Когда мать моя уже уходила, императрица повторила нѣсколько разъ:

— Adieu, adieu, chère m-me Jaquemond (прощайте, прощайте, любезная г-жа Жакмонъ),—и мать снова оборачивалась лицомъ къ императрицѣ, дѣлая глубокіе поклоны, какіе принято дѣлать при представленіи къ высочайшему двору.

— Это былъ одинъ изъ счастливѣйшихъ часовъ моей жизни,— говаривала часто моя мать.

Осенью того же 1855 года по возвращеніи моей матери въ Оренбургъ была получена радостная вѣсть о томъ, что государь императоръ Александръ Николаевичъ высочайше повелѣть соизволилъ переименовать Оренбургское дѣвичье училище въ Оренбургскій Николаевскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, и вмѣстѣ съ симъ были утверждены новые штаты этого учебнаго заведенія, а также составлена смѣта и ассигнованъ расходъ на увеличеніе зданія, и

хозяйство Николаевскаго института было совершенно отдѣлено отъ хозяйства Оренбургскаго Неплюевскаго кадетскаго корпуса.

Въ концѣ того же 1855 года мать моя получила весьма лестный рескриптъ отъ государыни императрицы Александры Ѳеодоровны и брилліантовый фермуаръ съ большимъ въ серединѣ изумрудомъ изъ собственнаго кабинета ея величества. Вмѣсто фермуара, если бы мать моя желала получить его цѣнность, назначено было пять тысячъ рублей серебромъ. Къ несчастью, эта фамильная драгоцѣнность погибла вмѣстѣ со всѣмъ моимъ имуществомъ во время страшнаго пожара, случившагося въ Оренбургѣ 16-го апрѣля 1879 года. Прошло три года, и матери моей не стало: она скончалась въ Оренбургѣ 17 февраля 1858 года, но память о ней жива до сихъ поръ среди ея бывшихъ ученицъ.

П. П. Жакмонъ.